

Политический стиль посланий семантически «сглаживает», но отнюдь не выявляет, а тем более не «снимает» реальные социальные противоречия. Конфликты «заговариваются» либо просто «умалчиваются». В силу этого риторика посланий, как ни парадоксально, симптоматична для «последних времен», когда политическая элита не в состоянии разрешить накапливающиеся в обществе конфликты и противоречия, а новый политический субъект еще не вышел на сцену истории. Послания демонстрируют ситуацию постоянного откладывания стратегического выбора, сделать который России все равно рано или поздно придется. Проблема в том, что существует точка невозврата, после которой судьба России перестанет зависеть от ситуационного популизма и прагматизма, требуя решений «по существу», связанных с выработкой и реализацией новых оснований социальной справедливости в интересах всего общества. Старые основания, цементирующие советское общество, уже не сработают. Однако нового дискурса социальной справедливости (даже честной попытки выработки такового) в посланиях так и не было предложено.

Кроме того, создание отсутствующего ныне интегрального дискурса справедливости может стать лишь частью принципиально нового политического проекта или общественного договора, основания которого не были предложены элитой обществу в постсоветский период. Очевидно, что стимулом к подобной рефлексии и коррекции политического курса Кремля сегодня может быть только: а) реальная оппозиция, причем неважно какого идейного цвета; б) социально-экономический кризис; в) масштабный природный катаклизм (не дай Бог). В настоящее время эти стимулы отсутствуют. Дело в том, что: а) как никогда стабильно, за весь постсоветский период, экономическое положение России благодаря конъюнктуре мировых цен на энергоресурсы; б) распределение крупной собственности завершено, крупные «переделы» остались в прошлом, политические и экономические элиты, власть и собственность едины, как монолит. Это «гасит» во властной элите стимулы и желание что-то менять к лучшему, поскольку для элиты лучше быть уже не может. В результате стране грозит участь остаться на периферии глобальной миросистемы.

6. Национализм нового типа?

Согласно И. Валлерстайну, либерализм, социализм и консерватизм являются идейной реакцией на капиталистическую миросистему и удовлетворяют социопсихологические потребности классов, со-

ставляющих ее центр. Данные потребности онтологически вытекают из мирового разделения труда.

При этом доминирующей идеологией является либерализм, обусловленный экономическими и социальными потребностями предпринимателей, которые достигают своих целей не только посредством рынка, но и с помощью государства (и без государства большинства целей достигнуть не могут). Это цели безопасности накоплений, политических гарантий собственности и т.д. Либерализм предлагает стратегию постепенной интеграции «опасных классов» в политическую систему. Однако он вынужден искать культурные и идеологические ограничители, препятствующие пониманию прав человека как действительно общедоступных. Ибо такое понимание, которое нередко берется на вооружение радикалами, грозит дестабилизировать систему. Современный кризис миросистемы, описанный на либеральном языке, как раз и заключается в том, что если у людей действительно равные права, то неэгалитарность миросистемы нельзя сохранять. А если признать фактическую неэгалитарность капиталистической миросистемы, то она теряет легитимность в идеологическом плане, хотя и сохраняет относительную стабильность в экономическом. Что и происходит в особенно явном виде с 1968 г.

Либеральная интеграция общества в XIX — первой половине XX в. достигалась путем проведения ограниченных реформ и, что особенно важно, культивированием национализма, перерастающего в расизм — коллективный национализм цивилизованных наций. Другим культурным ограничителем является сексизм: не все права человека распространяются на женщин. Наконец, либерализму присущ интеллектуальный «расизм» — ориентация на те слои («средний класс»), которые могут правильно пользоваться правами. Национализм, интеллектуальный расизм, сексизм одновременно являются и ограничителями либерализма, и стабилизаторами капиталистической миросистемы, в которой либерализм является центральным политическим дискурсом. Поэтому при кризисах миросистемы все они оказываются под вопросом.

Антисистемные, преимущественно левые, движения практически всегда выступают против интеллектуального расизма, всех видов дискриминации и этнизации идей национализма. Если в условиях классического Модерна индустриальной эпохи национализм как механизм интеграции социума в нацию стирал сословные отличия, наделял всех людей равным гражданским статусом и правами, выполняя универсализирующую и эгалитаристскую функции, то в период глобализации национализм часто превращается в систему ограничения гражданской идентичности, в способ удержания достигнутых преимуществ тех или иных обществ перед инородцами и иммигрантами.

Такое понимание национализма превращает его из способа выравнивания глобального мира в архаичный, этноцентристский и антимодерновый концепт, используемый для сохранения неравенств внутри обществ и в глобальном мире.

Вхождение в миросистему дестабилизирует страны периферии в экономическом, политическом и социальном плане. На периферии, как, например, в России, может и не быть либерализма, но зато есть последствия тех практик, которые в центре миросистемы этот либерализм породили. Возникают новые экономические отношения и новые социальные группы с характерными для них социопсихологическими потребностями и политическими требованиями. Соответственно, у правящей элиты появляется такая же необходимость в идеологическом стабилизаторе, которая ранее возникала у элит стран центра миросистемы. И поэтому проблема политических дискурсов «периферийной империи» — это во многом проблема «стабилизатора» либерализма на периферии.

В России XIX — начала XX в. государственная бюрократия и зависимая от нее буржуазия так же желали достичь интеграции общества, как и западные либералы. И на вооружение тоже был взят национализм, однако в периферийной огранке.

Национализм возникает в период борьбы в центре миросистемы за положение в ней. Первым вышедший на историческую арену национализм французов — это, в частности, следствие попытки изменения своего положения, попытки достичь гегемонии в борьбе с Англией. То же самое верно относительно национализма немцев, англичан, американцев. Национализм — способ мобилизации ради изменения места в миросистеме, но не самой миросистемы. При этом нельзя отрицать, что, обладая мобилизующим и объединяющим потенциалом на локальном (государственном) уровне, национализм может время от времени дестабилизировать миросистему в целом. Что и доказали две мировые войны.

Азбука национализма, как выражается Е. Холмогоров, проста: «Ксенофобия является естественной основой поведения большинства цивилизованных наций мира. Не допускать к власти и собственности чужаков. Править самим. Если можешь — расширяться, если не можешь — обороняться»¹. Национализм — технология мобилизации нации, изобретенная Модерном. В этом аспекте он и был воспринят правящей элитой Российской империи. Затем требовалось создать некую символику, иерархию смыслов, интегрирующую социум.

¹ Холмогоров Е. С. Русский проект: Реставрация будущего. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 53.

Россия — империя, но, в отличие от британской, нельзя сказать, что русские в ней уже оформились как нация в европейском смысле. Отсюда попытка дореволюционной бюрократической элиты сформулировать национальную идею на языке не только идентичности, но и теологии — Самодержавие, Православие, Народность. На окраинах империи шел, однако, другой процесс, но тоже под звуки националистической риторики. Там поднимались вопросы о правах народов. В то время как империя в целом пыталась легитимировать свое место в миросистеме путем выработки национально-имперских символов, на окраинах стремились путем выработки национальных символов мобилизовать массы на борьбу за независимость от самой империи. Это не удивительно. В период кризиса миросистемы националистические лозунги часто берутся на вооружение революционными и реформаторскими силами периферии, стремящимися изменить положение своей страны в миросистеме. Логика проста: национальное государство в странах центра защищает интересы своих предпринимателей, свое привилегированное положение в миросистеме. Империализм не зря препятствует созданию национальных государств на периферии: он видит в них угрозу центру. Национальное государство сможет осуществить модернизацию и догнать центральные страны. Это также превосходно согласуется с базовой либеральной риторикой насчет прав народов на самоопределение.

Антисистемные политические дискурсы в дореволюционной России, как и на Западе, имели тоже социалистический, антирасистский, антинационалистический характер. Он удовлетворял социопсихологическим потребностям большей части интеллигенции. Антилиберальные практики российских модернизаций только подогревали оппозиционные настроения. Либеральные же практики сразу связывались с буржуазным укладом, который, собственно, и порождает, кроме эксплуатации, также и механизмы ограничения возможностей большинства: национализм, расизм и сексизм.

Поэтому революция 1917 г. закономерно приняла интернационалистский по своей символике характер. И столь же закономерно уже в 20-е годы XX в., когда стало ясно, что миросистема устояла (мировой революции не произошло), элементы национализма начали возвращаться в советскую политику. Пришлось создавать нечто вроде альтернативной миросистемы, блокироваться с государствами, которые временно стали в этой миросистеме изгоями (например, Германия). Характерно, что в тот же период в Германии социалистическая символика начала соединяться с националистической. Нацисты заговорили о странах-пролетариях и странах-капиталистах: классовая и национальная идеи показали свою способность стать обоснованием для нового передела миросистемы.

Возврат России после 1991 г. на капиталистическую периферию означал и возврат к проблеме стабилизаторов-ограничителей либерализма. Этим и были обусловлены возрождение националистической и имперской риторики, а также многочисленные попытки сформулировать новую национальную идею. В частности, мода на геополитику в 1990–2000-х гг. — это очередная попытка создать национальную идею вне конкретного социального контекста. На сей раз это мышление не эсхатологическими, религиозными, культурологическими категориями, а пространственными и т.п. — как бы внеидеологически. Правда, за пространственными категориями всегда просматривается идеологическая и религиозная символика.

Однако в полной мере воспроизвести триаду «национализм-расизм-сексизм» в новых условиях уже оказалось невозможным. Возвращение на периферию произошло как раз в тот момент, когда капиталистическая миросистема переживает очередной кризис, если не закат. В идеологическом смысле это означает, что национализм уже поставлен под сомнение в странах центра, а расизм и сексизм и вовсе вытеснены и не являются темой для разговоров, ведущихся в рамках приличий. Как источник нестабильности национализм слишком опасен для впадающей в стагнацию миросистемы. Как средство объединения общества для изменения положения своей страны в миросистеме он еще может быть использован на периферии, в стране, элиты которой всерьез были бы озабочены такой задачей. Но это чревато глобальными потрясениями с непредсказуемым исходом. Как раз в стремлении к таковым элиты постсоветской России заподозрить нельзя — их в целом удовлетворяет наличное положение вещей. Поэтому они вовсе не собираются разыгрывать карту русского национализма всерьез. Для поддержания иллюзии того, что Россия все еще остается великой страной, достаточно апелляции к символике прежнего величия. В то же время лояльность к правилам игры центра подразумевает борьбу с национализмом (ведь центр, скажем, в лице объединенной Европы, уже не рассматривает национализм как главное средство объединения людей в цивилизованное сообщество) — например, в виде «фашизма».

Будет ли в России национализм взят на вооружение как вдохновитель нации на попытку изменения места страны в миросистеме? Такого рода проекты уже выдвигались и продолжают выдвигаться как авторами, имеющими репутацию серьезных философов и ученых, так и политическими публицистами. А. Панарин незадолго до смерти писал о возможности для России вернуть себе статус сверхдержавы, но уже не столько материально могущественной, сколько обладательницы моральной силы, альтернативы, «касающейся самих принципов

жизнестроения»¹. О. Матвейчев полагает, что Россия должна построить новый мир, лидерства в котором она добьется путем целенаправленной стратегии достижения интеллектуального доминирования². В том же направлении уже давно разворачиваются усилия М. Калашникова, Ю. Крупнова, С. Кугушева, предлагающих проекты грандиозного скачка России в Нейромир³.

Характерно, что хотя эти проекты ориентированы прежде всего на благо России — и в этом отношении «национальны», их авторы отчетливо осознают, что реализация проектов изменит весь мир. И тут речь идет не столько о том, что в измененном мире Россия станет доминировать. Изменится «мировой порядок», сама основа взаимоотношений между народами. Стать мировой державой — значит предложить именно проект нового мироустройства. Мировая держава как сверхзадача современной России — это не глобальные претензии на монопольную власть, не империя, не второе издание сверхдержавы и даже не великая держава, а средство, инструмент для постановки и решения общих для всех народов, стран и людей мировых проблем. Возродить Россию, дать ей новую национальную идею — это восстановить Россию как фактор, «сдерживающий» и отсрочивающий пришествие Антихриста (Е. Холмогоров). Осуществить скачок в Нейромир (М. Калашников, С. Кугушев) — значит таким образом преобразовать экономику, социальную структуру, технологическую базу и, наконец, самого человека, чтобы новый образ жизни в России стал своего рода универсальной «закрывающей технологией», окончательно блокирующей воспроизводство отношений «старого мира», в котором правят транснациональные корпорации и «Сообщество Тени». В глобализирующемся мире, как замечает У. Бек, именно традиционные левые и правые силы выполняют «протекционистские» функции, уступая при этом интернационалистские лозунги альтерглобалистам⁴. Положение России осложняется и тем, что в ней сейчас с интернационализмом дело обстоит еще хуже: он в лучшем случае символизирует славное прошлое наших парламентских коммунистов. К тому же именно в слабости интернационализма, как утверждает К. Клеман, видится первое препятствие к развитию альтерглобалистского движения в России⁵. Поэтому функции интернаци-

¹ Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 280.

² См.: Матвейчев О.А. Суверенитет духа. М.: Поколение, 2007. С. 201–219.

³ См.: Калашников М. Кугушев С. Третий проект. Спецназ Всевышнего. М.: АСТ: Астрель, 2006.

⁴ См.: Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 49.

⁵ См.: Клеман К. Слабость интернационализма препятствие к развитию альтерглобалистского движения // http://www.aglob.info/articles.php?article_id=733.

оналистов, как это ни удивительно, вынуждены отчасти брать на себя те, кто ими объективно не является.

Не наступает ли время, когда «националистические» по форме проекты могут обрести гораздо больший интернациональный потенциал?

Возможно, появляется альтернатива как государственному, так и «красно-коричневому» патриотизму, и национализм в России начинает радикально менять свою природу, становится революционным и поневоле интернациональным. Националисты новой волны начинают выдвигать проекты, которые сознательно идут гораздо дальше, чем простое изменение менее выгодного положения в миросистеме на более выгодное. Некоторые националисты времен заката капиталистической миросистемы, к которым можно отнести упомянутых выше М. Калашникова, С. Кугушева, Е. Холмогорова, А. Панарина и других, даже поднимают вопрос о том, как эту миросистему изменить. Однако в целом нельзя сказать, что моральная подоплека наших ведущих политических дискурсов дает повод для оптимистического взгляда в будущее.

7. Нравственное значение нашей «революции»

В настоящее время часто говорится, что Россию в мире «не любят». Что она не обладает авторитетом, а при малейшей попытке укрепить свое положение встречает единодушное сопротивление Запада — именно в силу этой почти мистической нелюбви.

Но почему «нас не любят»? Этот вопрос задается, наверное, со времен Чаадаева. Чаадаевский ответ известен: потому что Россия не «историческая» страна, которая, тем не менее, претендует на роль в истории. Своего рода страна-самозванка, которую не прогнать из-за ее величины и военной силы.

В богословском и лестном для нас варианте это звучит так: все более подпадающий под власть дьявола мир не любит Россию, потому что она сдерживает его сползание к апокалипсису. Сейчас, правда, уже почти не сдерживает, но возможно, станет сдерживать вновь, если по-настоящему обратится к Богу.

Вот еще один вариант: Россия настойчиво пытается идти своим путем. Даже тогда, когда ее правители заявляют, что идут вместе с Западом или даже опережают его на той же магистральной дороге истории. Однако в процессе этого опережения Россия дискредитирует западные ценности. Она — «обезьяна Запада», как дьявол — «обезьяна Бога». Иными словами, Россию не любят за то, что она есть «иное» Запада, на которое Западу смотреть противно.